

В. Н. Крылов

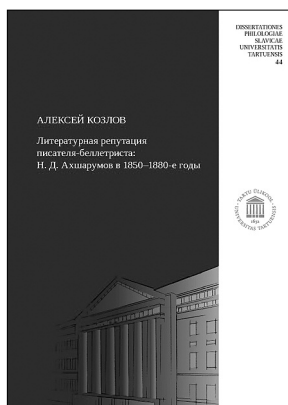
Литературная репутация «обыкновенного» таланта

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_342

Козлов А. Литературная репутация писателя-беллетриста: Н.Д. Ахшарумов в 1850—1880-е годы.

Tartu: University of Tartu Press, 2021. — 242 p. —

(Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis; Vol. 44).

Литературная репутация как социокультурный феномен, мало изучавшаяся в советское время, стала в современном литературоведении предметом многочисленных исследований, посвященных творческим судьбам писателей как «первого ряда», так и «второго», — беллетристов, тиражирующих или закрепляющих открытия мастеров и почти всегда остающихся в тени выдающихся современников. Вопрос о том, нужно ли изучать литературную репутацию беллетристов, неоднозначен. Литературоведческая мысль, выстраивая историю конкретной писательской репутации, идет преимущественно по экстенсивному пути, не углубляясь в теорию этого многоаспектного явления¹. Между тем в таких персональных историях репутаций

всегда теплится надежда и на обогащение теории, в диссертационном жанре скрывающаяся под формулировкой «теоретическая значимость», — то есть значимость для того, что И.Н. Розанов, предложивший в 1928 г. понятие «литературная репутация», называл «теорией литературных репутаций», в противоположность «истории литературных репутаций». Первая, по мысли Розанова, должна заниматься исследованием факторов литературного успеха, классификацией и терминологией, вторая — изучением фактов в их последовательности, выявлением их социологических причин. А до Розанова внимание на проблему литературной репутации обратил критик и писатель А.А. Измайлов, размышлявший о «раздутых» и «пониженных», медленно создающихся репутациях, а также о таких, в создании которых играла роль удача, случайность. Суждения Измайлова сыграли свою роль в осознании и формировании на рубеже XIX—XX вв. таких социокультурных явлений, как модный автор и литературная репутация.

Незаурядный пример современного исследования о репутации беллетриста представляет собой монография Алексея Козлова о Николае Ахшарумове — диссертация, опубликованная перед защитой по правилам получения докторской сте-

1 Большая часть работ по проблемам литературной репутации — это статьи об отдельных аспектах восприятия писателей. Целостное изучение репутаций выдающихся авторов затрудняется необозримостью круга источников — «голосов» публики, совокупность которых и создает прижизненное представление о писателе и его месте в литературной иерархии. Осмыслить «маленькую» историю беллетриста все же легче, чем историю классика.

пени (PhD) в Тартуском университете. Кстати, там же, в Тарту, в 2003 г. вышла близкая по проблематике монография Елены Нымм «Литературная позиция Иеронима Ясинского (1880—1890-е гг.)», в которой на примере близкого по «рангу» писателя другой эпохи поднимались схожие вопросы: почему Ясинский так и не превратился из предшественника символизма в его полноценного представителя? Почему так и не обрел среди современников репутацию авторитетного и литературно одаренного писателя?

На примере Ахшарумова А. Козлов попытался решить следующие «специальные вопросы»: «Как складывается литературная репутация писателя-беллетриста при жизни и после смерти? Соотносимы ли в этом случае репутация и биография? Насколько такая репутация изменяема, и что определяет ее динамические и статические свойства? Можно ли на основании наблюдений над отдельными фигурами выявить универсальные социальные механизмы, позволяющие обратиться к вопросам типологического изучения культуры?» (с. 20). Цель автора — описать литературную репутацию Ахшарумова «в ее динамике, определяемой как экономическими и культурными факторами, так и социальным запросом» (с. 23). Объясняя новизну своего подхода, А. Козлов подчеркивает необходимость анализа *прагматики* заведомо вторичных и эпигонских текстов. Словами об этом важном для исследователя аспекте эффектно завершается книга: «Наша работа — это выход к прагматике авторского письма, то есть к анализу того, что значит *быть эпигоном, тенью* своего гениального современника. Иными словами, что значит *быть, являться и чувствовать себя* Двойником господина Двойникова, как это было в случае с нашим героем — Николаем Дмитриевичем Ахшарумовым» (с. 199).

Теоретическая опора исследования — методы социологии литературы, основанные на теории «символического капитала» (экономического свойства имени писателя, закрепленного в сознании современников), а также принцип «контекстуализации» и изучения смежных рядов, оказавших влияние на беллетристику писателя².

Монография состоит из пяти глав, последовательность которых обусловлена задачей реконструкции основных этапов становления литературной репутации Ахшарумова как писателя, переводчика, литературного критика, культурного деятеля и ученого. Исследовательская мысль движется от выявления «внешних» обстоятельств его жизни как «писателя без биографии» к его литературной и критической деятельности, «публичной» (то есть отраженной в журналах и книгах) и «подпольной» (тайной, скрытой от глаз читателя); упомянутое во Введении «изучение “подпольной” стороны личности писателя-беллетриста в аспекте его самосознания» (с. 23—24) создает интригу, заставляя читателя гадать, в чем же состояла «подпольная» жизнь «тихого» героя.

Для понимания первой главы («Н.Д. Ахшарумов как “писатель без биографии”») важно справедливое замечание, высказанное А. Козловым еще во Введении: «Изучение писателей, не вошедших в литературный канон, часто вызывает неоправданные методологические обобщения, не учитывающие, что при “типичности” создаваемых ими текстов биографии их творцов далеко не всегда являются тривиальными» (с. 21). Другим исходным фактом становится архивное свидетельство — ответ составителю биографического словаря С.А. Венгерову, в котором Ахшарумов оценивает свою жизнь как обычную и малоинтересную для посторонних. Все дальнейшее изложение убеждает, что этот ответ можно считать выражением его кредо как «литературного затворника» и «ученого маргинала». В главе выявлен один из па-

2 Принципиальное значение имеет включение беллетристики Ахшарумова в смежные контексты и поля, не связанные напрямую с литературой, — по аналогии с подходом, предложенным в кн.: Murav H. *Russia's Legal Fictions*. Ann Arbor, 1998.

радков творческой биографии беллетриста: будучи явным противником концепции Чернышевского, Ахшарумов в то же время был (как и молодой Толстой) страстным читателем и апологетом учения Прудона, что отчасти помогает автору объяснить «двойную идентичность» писателя, в которой аполитичность одновременно сочетается с консерватизмом. Нельзя не согласиться с выводом А. Козлова, что тяготение Ахшарумова к консервативным кругам свидетельствует о номинальном характере декларируемой им аполитичности, а «внепартийность» становилась удобной позой, позволявшей создавать иллюзию авторской объективности» (с. 45).

Далее подробно, с привлечением не опубликованных ранее документальных источников анализируются неоднократные попытки Ахшарумова заявить о себе в литературе и критике — сопровождавшиеся вереницей неудач, не принесшие ему успеха и заложившие основу его незавидной репутации. С момента выхода повести «Чужое имя» (1861) Ахшарумов-писатель будет восприниматься как неудачливый, несамостоятельный соперник Достоевского, хотя, например, его повесть «Игрок» (1958), как показал А. Козлов, и заняла «нишу среди элитарной, хотя и немногочисленной, читательской субкультуры — любителей шахматной игры» (с. 64).

Еще менее однозначно обстоит дело с репутацией Ахшарумова как литературного и художественного критика. Да, у него есть промахи вкуса, неверные оценки — но их было немало и у Белинского. Безусловно, он уступает Чернышевскому, Добролюбову, Писареву, Григорьеву, Анненкову или Боткину, однако, например, его программная статья «О порабощении искусства» заняла весьма заметное место в литературном процессе второй половины 1850-х гг., как и его статьи о Толстом и Достоевском. А тот же Добролюбов, как было уже замечено исследователями, почти всегда «называет в полемике имя Ахшарумова, что делается им далеко не часто в спорах с другими представителями “эстетической критики”, да и упоминается он чаще многих из них в статьях Добролюбова»³. Полемизируя с Ахшарумовым гораздо резче и ироничнее, чем с Дружининым или Анненковым, Добролюбов, вероятно, осознавал, что именно в его оценках наиболее четко отразились крайности «эстетической критики», а в «реальной критике» Ахшарумов увидел главную виновницу «порабощения искусства», поскольку она не признает «свободного искусства», «всеми силами стараясь закабалить его в услужение разным целям, потребностям и нуждам общественной пользы»⁴.

Как порой и беллетристы, так и Ахшарумов-критик был первопроходцем, сумевшим обратить внимание на литературные вопросы, которые станут предметом обсуждений и споров в будущем. Именно ему принадлежит первая специальная статья о романе «Тысяча восемьсот пятый год» — журнальной публикации начала «Войны и мира», — первая попытка дать «позитивное определение жанра толстовского произведения»⁵.

Немало увлекательных подробностей из истории репутации Ахшарумова и в следующих главах. Его литературно-критическая деятельность 1860-х гг. во многом представляет собой диалог с Гончаровым, Тургеневым, Достоевским и Чернышевским: литературные сюжеты становятся в его творчестве материалом, с помощью которого писатель пытался выразить свои критико-литературные, эсте-

3 *Елизаветина Г.Г.* Н.А. Добролюбов и литературный процесс его времени. М., 1989. С. 152.

4 *Ахшарумов Н.Д.* О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. № 7. С. 294. Отметим, что Ахшарумов обратил внимание на эту тенденцию одним из первых в истории русской критики — задолго до Розанова, Вольнского и Мережковского.

5 *Сухих И.Н.* Война и мир вокруг «Войны и мира» // Война из-за «Войны и мира»: роман Л.Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 13.

тические и социальные идеи в беллетристической форме. Но подобные приемы часто осуждались критикой за ходульность персонажей, искусственность построений и становились причиной многих литературных неудач — как самого Ахшарумова, так и его современников. Кроме того, автор показывает, что на протяжении 1860-х гг. Ахшарумов как слабый автор, подверженный сильным идеям современников, оспаривал эстетические концепции Чернышевского.

Отметим анализ повести Ахшарумова «Натурщица», интересной не столько своей идеологической направленностью (против реалистов и нигилистов), сколько экспериментальным характером, в котором отразилось своеобразное осмысление концептов «автор» и «герой»: «Вместо безапелляционного суда над читателем, характерного для “Что делать?”, и не менее авторитарного торжества всеведущего автора над своим героем в романе “Преступление и наказание” (так Ахшарумов-критик оценивал авторское присутствие в романе Достоевского), Ахшарумов создает третью, во многом пародичную, конфигурацию, основанную на состязании и дискредитации авторского начала» (с. 125). А. Козлов с таким мастерством анализирует повесть, что у читателя появляется сомнение в ее вторичности. Чего стоит, например, такой сюжетный поворот в пересказе исследователя: «В свете... заведомо абсурдистского сюжета вполне ожидаемой оказывается формулировка, заключенная в приговоре: изгнать Чуйкина из мира действительной жизни и поселить навсегда в области отвлеченного мышления» (с. 121), — и венчающий ее вывод: «юридическая мистерия» превращается в суд над «реальной литературой», а Чуйкин, дискредитированный и как автор, и как герой, не только заявляет о своем исключительном праве авторства (никто из действующих лиц больше не является писателем), но и подтверждает свое право устанавливать зримые и незримые границы. Экспериментальные особенности письма Ахшарумова предвосхищают модернистские приемы, что подтверждает известное наблюдение: беллетристика выполняет в литературном процессе не только закрепляющую, но и подготовительную функцию.

Обращает на себя внимание и обнаружение А. Козловым в серии статей Ахшарумова о романе «Война и мир» обращения, на первый взгляд неожиданного, к методологии «реальной критики», что позволило уточнить представление о диапазоне критических приемов Ахшарумова и определенной гибкости его как критика. В этом отразилась одна из типологических черт русской критики, обозначенных в свое время Б.Ф. Егоровым: если западные критики ориентировались на произведения литературы и искусства, то русские — не только декабристы, шестидесятники, народники, марксисты, но и глашатаи «третьего пути» вроде Ап. Григорьева и даже большинство апологетов «чистого искусства» — ориентировались на жизнь, отображение ее в искусстве. Разница была в направленности этого интереса: «реальных критиков» больше всего интересовали социально-политические проблемы, а Ап. Григорьева, Дружинина, Боткина — нравственно-психологические. В обстоятельном разборе статьи о «Преступлении и наказании» акцентирована такая особенность критического мастерства, как апелляция к читательскому опыту, то есть проецирование впечатлений от прочтения на художественный мир произведения; в такой демонстрации собственных читательских впечатлений, своего индивидуального переживания нередко усматривается специфическая особенность литературной критики.

Блестящий анализ семантики, синтактики и прежде всего прагматики текстов Ахшарумова, проделанный А. Козловым, несколько ослабляет прозвучавший во Введении и биографической главе тезис о том, что Ахшарумов жил тихо и «страшился известности», пытался «стушеваться», не входя в какие-либо кружки или литературные группы. Разнообразие форм его деятельности, совмещение амплуа

беллетриста и критика, нарушающее жанровые конвенции, скорее свидетельствуют о настойчивых попытках оставить след в культуре, стремлении публично высказаться по актуальным общественным вопросам. Не вполне убедительной представляется гипотеза о том, что, «выразив свои оценки ведущих произведений эпохи, критик осознал свою миссию выполненной и обратился к другим задачам: образовательным (педагогическим) и развлекательным проектам, преимущественно связанным с заработком (закреплением реального капитала)» (с. 169—170).

Кроме того, недостаточно проясненным остается вопрос: что же считать определяющим в становлении такой писательской репутации — «обыкновенный талант» (которому, по мысли Добролюбова, остается лишь «служебная роль»), неудачный выбор жизненного «сценария», недостаточные усилия по контролю за репутацией или невысокий художественный уровень текстов? И, если бы Ахшарумов вовремя «остановился», не обратился к сугубо массовой литературе на позднем этапе, не было бы иным его место в истории литературы? Пожалуй, не последнюю роль в этой литературной судьбе сыграл эстетический «сепаратизм» Ахшарумова, выраженный гораздо более резко и прямолинейно, чем у Дружинина и Анненкова. «Сибаритский» взгляд на искусство «эксцентрического критика» (Добролюбов) был не к месту и не ко времени и способствовал скорее негативной репутации его в кругу более заметных защитников «чистого искусства» (Дружинина, Боткина, Анненкова, Леонтьева), маргинализации Ахшарумова в литературной жизни второй половины XIX в.

И наконец, как соотносится репутация Ахшарумова как писателя с его репутацией как литературного критика? Равнозначны ли они? Думается, что подход к репутации писателя и репутации критика не может быть одинаковым. Хотя известность Белинского, Добролюбова, Писарева или Михайловского порой не уступала известности писателей, но в целом критик не может соперничать с писателем во влиянии на современников и потомков, поскольку риторическое воздействие статей даже выдающихся критиков несравнимо с воздействием художественной литературы. Чуть более удачливый современник Ахшарумова Дружинин писал: «Истинный критик... есть деятель своего поколения, источник нескольких благотворных преданий для потомства. Ему дано великое могущество, но срок этого могущества не долгод. Поколения, еще не родившиеся, не станут плакать над его страницами, но зато поколение, живущее с ним вместе, будет полно его идеями и его стремлениями»⁶. Критик и историк литературы Р.В. Иванов-Разумник полагал, что судьей самой критики может выступать история литературы: имя подлинного литературного критика своего времени сохранит в этой истории тот, чьи оценки не будут переоцениваться, «если критик восторгается посредственностью, он губит только сам себя»⁷. Я.П. Полонский разделил сообщество критиков на зоилов и собственно критиков, прибегнув к зоологическим сравнениям. Зоила он сравнил с комнатной собакой, которая кусается, а критика — со львом, который поедает добычу. Метафора пожирания имеет здесь положительный смысл: книги «только тогда и хороши, когда они пожираются, только тогда они и полезны»⁸. Зоилам, кушавшим Пушкина или Лермонтова, Полонский противопоставляет истинных критиков: «Только питаюсь лучшими произведениями литературы, критик способен возбуждать свои силы, выказывать свои способности. Критик чутьем своим развивает чутье других и вытаскивает публику на умственную добычу, самую здо-

6 Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 462.

7 Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» / Сост. Н.В. Новиковой. Саратов, 2007. С. 102.

8 Полонский Я.П. На высотах спиритизма. СПб., 1889. С. 103.

ровую или самую полезную для его времени». С этим связано и долголетие критика, а «слава зоила, напротив, не переживает и собачьего визга»⁹. Если использовать сравнения Полонского, то Ахшарумова мы отнесли бы к собственно критикам.

Едва ли после монографии А. Козлова удастся будущим исследователям добавить к портрету ее героя что-то существенное. Отдавая должное тщательности и филологическому мастерству автора, сумевшего «воскресить» забытого беллетриста и актуализировать его роль в истории литературы, хочется все же высказать следующие соображения. Несмотря на плотный массив архивных свидетельств и иных источников, приведенных в книге, есть некоторые сомнения относительно способности исследователя проникнуть в тайны эмоциональных состояний его героя. Что это значит — чувствовать себя писателем «второго ряда» и находиться в тени гениальных современников? Как на самом деле переживал Ахшарумов свое положение, мы, наверное, никогда не узнаем. Лев Шестов писал по другому поводу: «Обыкновенно в жизнеописаниях нам рассказывают все, кроме того, что важно было бы узнать. Может быть, когда-нибудь выяснится с мельчайшими подробностями, у какого портного шил себе платье Чехов, но, наверное, мы никогда не узнаем, что произошло с Чеховым за то время, которое протекло между окончанием его рассказа “Степь” и появлением первой драмы»¹⁰. С другой стороны, появление еще одного исследования о литераторе «второго ряда» заставляет пожалеть об отсутствии цельных реконструкций литературных репутаций выдающихся русских писателей и критиков того периода... Но все это несколько не мешает высокой оценке рассмотренной монографии. Во-первых, выстроенная в ней модель истории литературной репутации имеет не только историко-литературную, но и методологическую ценность, поскольку может служить изучению репутаций других литераторов-беллетристов. Во-вторых, исследование А. Козлова позволяет через фигуру Ахшарумова по-новому посмотреть на историю русской литературы, критики и журналистики.

9 Там же. С. 108.

10 Шестов Л. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Томск, 1996. С. 186.